

ПРОБЛЕМА МИЛОСЕРДИЯ КАК СМЫСЛОЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ ЛИЧНОСТИ

**Царенкова Е. А.,
Лунин С. Л.**

Милосердие понимается как человеческая сопричастность, альтруизм, сущностная характеристика человека, базовая потребность, коренящаяся в деятельной социальной природе человека, филогенезе и историческом опыте человечества, способность и готовность к взаимопомощи; человечность и совесть как духовное нормативное образование, основа самосознания, идентификации личности и восприятия другого человека; высшие нравственные чувства сострадания и деятельной любви к людям и другим живым существам, природе; благотворительность, каритативная деятельность и ее институты (попечительство, вспомоществование, милостыня, призрение и т.п.).

Ключевые слова: милосердие, благотворительность, каритативная деятельность, экспектации, согласие, гуманизм, диалог.

Для того, чтобы сохранить лучшие достижения человеческой цивилизации в многообразии ее социальных институтов, национальных ценностей и исторических традиций, надо двигаться в направлении создания новой культуры, новой системы социальных и нравственных отношений; устраняющих насилие, жестокость, чье-либо превосходство и исключительность. Иными словами, возникла объективная потребность в формировании социальных и духовных ориентиров, концентрированно выражающих в себе стремление человечества к согласию и гуманизму.

Серьезные изменения, происходящие в нашем многополярном мире, поставили перед философами ряд вопросов, касающихся проблем диалога верующих и неверующих по вопросу милосердия. Ухудшение социального положения значительной части населения нашей страны, неспособность либеральной политики государства защитить бедных заставляют нас обратить внимание на каритативную деятельность, сотрудничество различных концессий и общественных организаций в благотворительной деятельности. Каритативная деятельность способна упорядочить поведение, разрешить конфликты и напряжения между людьми с различными взглядами на жизнь, положением в обществе и т. д. В основе такой упорядоченности социальных действий лежат нормативные экспектации согласия, справедливого жизнеустройства в стабильном мире.

Современная философия, психология уже не ограничивается прояснением новой духовной ситуации, а предлагает обществу различные варианты иных жизненных смыслов и ценностей. Выделение

феномена «милосердия» в системе культурно-мировоззренческих универсалий и вхождения в категориальную систему общей и социальной философии актуально и связано с социально-экономическими, духовными преобразованиями, переоценкой старых и созданием новых ценностей.

Вся система реконструкции – войны, насилие, зло и ненависть – выступают как разрушение социума. Для сохранения общества необходимо создание конструктивных ценностей или изъятие их из прошлого опыта цивилизаций. При этом милосердие выступает в новом качестве – своеобразного критерия человечности, основы для достижения согласия и взаимопонимания между людьми. Ограниченность знаний о сущности, содержании, объеме, смысле и функциональном назначении милосердия требует от нас анализа данных таких наук, как психология, религиоведение, этнография, культурология, этика, эстетика и т.д. Разработка теоретических проблем милосердия в настоящее время не соответствует возросшим потребностям общества и человека. Это осознается философами, политиками и религиозными деятелями. Обращение к историко-философскому осмыслению феномена милосердия позволяет нам обнаружить факты и тенденции проявления милосердия в поведении животных, социуме, истории, культуре, родовой и индивидуальной жизни человека, его духовности и поведении. Выявление, систематизация и осмысление этих знаний для нас представляется крайне важным, так как философия является компендиумом знаний об отношении человека к природе, обществу, самому себе.

Милосердие является многомерным теоретическим понятием, используемым рядом социальных наук, а также в социальном опыте, поведении, познании мира отдельным индивидом. По своей природе оно представляет собой категорию философского познания, отражающую одно из всеобщих начал универсума, выступает принципом взаимодействия в животном мире, живой и разумной реальностях, средством разрешения противоречий и преодоления конфликтов, нормой человеческого бытия, социально-значимой праксиологической идеей, институтом общества.

Милосердие понимается как человеческая сопричастность, альтруизм, сущностная характеристика человека, базовая потребность, коренящаяся в деятельной социальной природе человека, филогенезе и историческом опыте человечества, способность и готовность к взаимопомощи; человечность и совесть как духовное нормативное образование, основа самосознания, идентификации личности и восприятие другого человека; высшие нравственные чувства сострадания и деятельной любви к людям и другим живым существам, природе; благотворительность, каритативная деятельность и ее институты (попечительство, вспомоществование, милостыня, призрение и т.п.).

Рассматривая такую базовую характеристику человеческого бытия, как милосердие в социуме, в духовном мире человека и общества, мы видим ее чрезвычайную подвижность и динамичность. Те или иные соответствия и пропорции согласующихся свойств, связей и отношений в мировых процессах складываются не мгновенно, а в результате протяженных во времени генетических, причинных, структурных и функциональных изменений. Милосердие поэтому становится результатом процесса согласования. Согласование (диалог) включает борьбу против тенденций к насилию, агрессии, возникновению конфликтов. Милосердие заключается в принятии человеком, сообществом других индивидов, активном вмешательстве в их жизнь (преодоление ущербности физической, интеллектуальной, психологической, сострадание, сопереживание, отказ от насилия).

Проблема перспектив диалога и согласия между христианами и верующими различных конфессий, свободомыслящих являлась предметом внимания со стороны отечественных философов, автор берет на себя смелость утверждать, что и по сей день еще многое в природе этого феномена остается неясным. И, вероятно, одним из наиболее веских тому доказательств является факт отсутствия до сих пор сколько-нибудь однозначной дефиниции перспектив диалога между верующими различных конфессий и свободомыслящими. Проблемы милосердия не были включены в контекст диалога между

верующими и неверующими, что представляет его ограниченность.

В этой связи следует вспомнить, что история диалога христианства со свободомыслящими своими корнями уходит в середину XIX в. и тесным образом соприкасается, с одной стороны, с устремлениями некоторых свободомыслящих и ряда теологов объединить верующих и неверующих для совместных действий, направленных на экономические и культурные преобразования, а с другой – с попытками церкви приостановить процесс дехристианизации народных масс, стабилизировать свое влияние среди широких слоев населения.

В 1888 г. в Брюсселе был основан Всемирный союз свободомыслящих. Первоначально данный союз был создан как федерация свободомыслящих, а с 1938 г. – Всемирный союз свободомыслящих. В 1904 г. была принята Римская декларация, которая провозгласила основными целями Всемирного союза свободомыслящих секуляризацию и демократизацию общества, защиту прав человека, приверженность светскому научному образованию, борьбу с клерикализмом. В 1974 г. Роттердамская сессия Международного совета этого союза подтвердила верность историческим традициям, провозглашенным еще в начале века.

В 1952 г. был основан в Амстердаме Международный гуманистический и этический союз, руководствующийся следующими принципами: рациональным, научным подходом к проблеме человеческого существования; приоритетом этики во взаимоотношениях человека с обществом и природой; неуклонной поддержкой демократических принципов общественной жизни. При Международном гуманистическом и этическом союзе существует молодежная организация, учреждены специальная комиссия по правам человека и Европейский координационный совет светских организаций. Периодический орган союза – ежемесячник «Международный гуманист».

Всемирный союз свободомыслящих и Международный гуманистический и этический союз продолжают антиклерикальные традиции, присущие свободомыслию предшествующих веков. Современные свободомыслящие за рубежом выступают за полное и фактическое отделение церкви от государства и школы от церкви как средства борьбы за свои права. В США в этом плане, например, активно действует «Американский союз борьбы за отделение церкви от государства». Одну из своих задач он видит в том, чтобы дать человеку нетеистическую веру, воспитать его в светском духе. Главным условием для этого является фактическое отделение церкви от государства. Другое условие состоит в усилении морального воспитания, так как именно оно и даст возможность создать лучшую жизнь. Антиклерикализм современных свободомыслящих упирается в моральное пре-

образование общества и милосердие как этическую норму способную изменить человека.

Но не только за рубежом, и в нашей стране также было организовано сообщество гуманистов. В 1995 г. появилось Российское гуманистическое общество (РГО), Межрегиональная общественная организация содействия развитию гуманизма. РГО издает ежеквартальник «Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и Гуманистов». РГО является ассоциированным членом Международного гуманистического и этического союза, объединяющего гуманистические организации около сорока стран Европы, Азии, Латинской Америки, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

В соответствии с Уставом РГО, среди главных целей общества – защита и распространение идей светского (гражданского или секулярного) гуманизма в России, разработка новых форм просвещения, морального и культурного влияния во имя гуманизации человеческих отношений, укрепления демократии, освобождения общественного мнения от иллюзий и предрассудков, мешающих людям более трезво и реалистично воспринимать окружающую действительность и самих себя. Ценностями, образующими фундамент теоретической и культурно-просветительской работы РГО, являются человечность, уважение прав и свобод личности, признание ее социальной и экологической ответственности, также как ее ответственности перед собой – своим телом, мировоззрением и поведением. Среди других высоко ценимых гуманистических качеств – достоинство, милосердие, ненасилие, равноправие и социальная справедливость, Свобода познания (исследования) и свобода совести. В рамках данного Устава есть место для диалога между верующими и свободомыслящими: гуманисты обращаются к человеку как таковому, независимо от его социального статуса, партийности, его религиозной веры или неверия; проясняются модификации и взаимосвязи светского гуманизма и религиозного.

Идея диалога между верующими и свободомыслящими фиксируется в Гуманистическом манифесте III, преемнике Гуманистического манифеста 1933 г. [6]. В Гуманистическом манифесте III указывается, что человеческие существа по природе своей социальны и придают значение общению друг с другом. Гуманисты страстно стремятся к миру всеобщей взаимной заботы и участия, свободному от жестокости и ее следствий, в котором наши несогласия разрешались бы совместными усилиями, без обращения к насилию. Важным является дополнение принципа индивидуальности принципом взаимной зависимости, что обогащает нашу собственную жизнь, подвигает нас к служению жизни других людей, вселяет надежду на достижение всеобщего мира, справедливости и равных возможностей.

Для свободомыслящих милосердие становится наряду с ненасилием, достоинством, равноправием и социальной справедливостью процессом, благодаря которому происходит объединение людей с различным мировоззрением. В социологическом смысле каритативная деятельность – действие, сцепляющее разнородные взаимодействующие элементы (верующий и неверующий, проситель и податель и т. д.) в социальную общность. Та или иная степень согласия в мнениях и действиях необходима для любой формы социального общения, любой социальной организации. На связь между проблематикой коллективной жизни людей и согласия указывали философы-утилитаристы (Гоббс, Локк и т. д.). Социологи Э Дюркгейм, М. Вебер, В. Парето установили наличие интеграции социальной системы на базе общих для всех ее членов ценностей и норм. Этот момент присутствует и в сочинениях неотомистов, разрабатывающих целую систему принципов социально-этического плана, которым надлежит вести общество по пути «общего блага». Но отличительной чертой этих католических построений является стремление вывести необходимость становления общества из неизменных антропологических качеств личности, находящейся в соотношении с божественным абсолютном.

В современном православном богословии также создана концепция «примирения» в обществе на основе заповедей любви и милосердия, чтобы на общих основаниях строить здание взаимопонимания, взаимоуважения и сотрудничества. Так, в документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятом на Юбилейном Архиерейском Соборе, проходившем в Москве в 2000 г., излагаются базовые положения учения РПЦ по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно-значимых проблем. Документ также отражает официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом.

Согласно этому документу православно-верующие должны участвовать в общественной жизни, основываясь на принципах христианской нравственности. Церковь же вступает во взаимодействие с государством даже если оно не носит христианского характера, а также с различными общественными ассоциациями и отдельными людьми, даже если они не идентифицируют себя с христианской верой. РПЦ считает, что условием сотрудничества является не прямое обращение всех в православие, а совместное благотворение, которое и приведет людей к миру, согласию и благоденствию, что наилучшим образом будет способствовать стратегии воцерковления нашего народа.

Концепция содержит следующие первоочередные и перспективные задачи:

- возрождение прихода как христианской общины единомышленников;
- возрождение церковных братств и разного рода церковных движений;
- организация церковного здравоохранения;
- создание епархиальных комиссий по благотворительности;
- организация благотворительного бюджета (приходского, епархиального, общецерковного).

Конкретные направления благотворительной работы включают также создание епархиального дома для престарелых, церковного интерната для сирот, книжных магазинов духовной литературы, епархиальной библиотеки, комитета социальной помощи, специализированных приходских учреждений (воскресных школ, курсов катехизаторов для взрослых, детского сада, библиотеки, столовой, общества трезвости и пр.).

Русская Православная Церковь выбрала правильную стратегию воцерковления нашей страны через совместное благоволение – мотив не только сотрудничества различных государств, конфессий и общественных организаций, но и причина появления интереса вероисповедания. Поэтому церковники считают, что реальный диалог возможен не только благодаря милосердию, а благодаря вере. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, в своем докладе на I Всемирном Русском Соборе в 1993 г., «Возрождение православия и обновление России» говорит о том, что верующий человек, имеющий дар благодати, внутренне силен, ему нет нужды прятаться за искусственно возведенными стенами культурного, национального или политического гетто. Такой человек открыт миру, лишен страха и подозрительности... Такой человек способен к реальному диалогу... [7]. По мнению митрополита Кирилла, «расшатывание канонических устоев и догматического сознания, искаженное толкование экуменизма как поиска вероучительного компромисса в деле объединения всех христиан, настойчивое стремление к единой универсальной религии создают предпосылки религиозной ассимиляции» [7, с. 114], т. е. милосердие является мотивом для объединения верующих и неверующих, но, если оно оторвано от жизни православной общины, то может «утратить полезность для человека и общества» [8, с. 140]. Следовательно, милосердие может выступать и в качестве интегрирующего начала, и быть дезинтегрирующей основой. Например, землетрясение в Армении в 1988 г. показало, что каритативная деятельность способна объединить людей с разнополярным мировоззрением, государственным устройством и т.д. В спасательных

работах, совместно с гражданами СССР, участвовали граждане ста тринадцати стран мира, представители различных вероисповеданий и свободомыслящие. Христианские церкви – как в нашей стране, так и за рубежом – откликнулись на это горе. Ватикан выделил в помощь пострадавшим сто тысяч долларов, Русская Православная Церковь – четыре миллиона рублей [9]. Южная баптистская конвенция перечислила в фонд помощи тридцать тысяч долларов, Европейская баптистская федерация – десять тысяч долларов [3]. Верующие евангельские христиане-баптисты нашей страны участвовали в сборе денег, теплых вещей для пострадавших от землетрясения, многие верующие приняли на воспитание в свои семьи детей-сирот [3]. Известна помощь пострадавшим в Армении монахини римско-католической церкви в Индии матери Терезы, основательницы Ордена Милосердия.

Однако каритативная деятельность зарубежных инославных миссий зачастую становилась лишь рекламной акцией в стратегии прозелитизма. В качестве примера рассмотрим деятельность Объединенной Методистской церкви США, которая открылась в России в 1990 г. через агентство «Совет всемирного служения». Данное агентство занималось гуманитарной помощью и в этом ему оказал поддержку в тот период Советский комитет защиты мира и председатели двух синодальных отделов – архиепископ Солнечногорский Сергей и игумен Иоанн (Экономцев) [2]. Методисты оценили поддержку их гуманитарной помощи и стали создавать приходы. Миссионерскую деятельность Методистской Церкви на территории СНГ возглавил пастор Рюдигер Минор, ставший в 1992 г. епископом Методистской Церкви в Евразии. Приходы этой церкви были основаны в Москве, Волгограде, Воронеже и других городах России. В настоящее время Методистская Церковь в России одна из крупных протестантских сект, имеющих свою семинарию в Москве. Русская Православная Церковь выражала свой протест по поводу прозелитизма Методистской Церкви (зимой 1993 г. и в сентябре 1994 г.), но данные встречи не дали положительных результатов.

Активной миссионерской деятельностью занимаются финские лютеране, «Международные бригады – США», «Армия спасения» и т. д. Работа этих религиозных организаций представлена не только гуманитарной помощью, но и осуществляются программы обучения бизнесу, английскому языку, бухгалтерскому учету, этике бизнеса, вопросам здравоохранения, работают в местах лишения свободы.

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси, считает, что прозелитическая деятельность иностранных миссионеров побуждает «не только к разоблачению

их истинной сущности, но и к усилению евангелизаторской и благотворительной работы Русской Православной Церкви» [2].

Перед нами два направления в диалоге по проблеме милосердия – между верующими-православными и верующими других конфессий, а также между верующими и свободомыслящими. Во всех этих случаях, наряду с согласием, возможны и конфликтные ситуации между вступающими в отношения по проблеме милосердия. В рамках общения верующих и, например, «инославных» верующих, разгорается спор по поводу дележа паствы, прежде всего, карманов верующих. Взаимоотношения верующих и неверующих по вопросу каритативной деятельности также не всегда достигают гуманистической миссии, так как мировоззренческие разногласия не всегда будут способствовать диалогу. Лишь «жизнь в Боге дарует любовь...», а «причастность к универсальному, Божественному... перестает быть источником вражды и конфликтов», по мнению богослова [8]. Примером являются взаимоотношения воинственных атеистов и верующих в тоталитарном обществе, а милосердие становится чуждым, буржуазным явлением. Хотя попытки сближения разнополярных культур имели место в советском обществе, на что указывает речь Патриарха Московского и Всея Руси Пимена в связи с тысячелетием введения христианства на Руси: «Верующие считают себя принадлежащими к одной семье с неверующими соотечественниками и готовы сотрудничать с ними во всех сферах общественной жизни».

Верующие, как правило, ориентируются на соответствующее поведение свободомыслящих, и сами также подчиняют свое поведение таким же ожиданиям. Но верующие ориентируют свои действия не только на ожидание от верующих каритативной деятельности, но и на установление согласия. Верующие и свободомыслящие предполагают актуализацию уже существующих мотивационных отношений, направленных на новое содержание. К каким конечным выводам не приводили бы теологические или атеистические системы, в мотивационном отношении они обычно используют и перераспределяют ценность таких извечных и глубоко волнующих тем, как счастье, справедливость, милосердие [5]. Таким образом, каритативная деятельность выступает для свободомыслящих и верующих различных конфессий мотивационным опосредованием, способным быть основой диалога.

Французский журналист Жорж Монтарон справедливо заметил: «Диалог – это жизнь. Мы можем прекратить диалог на страницах католической печати, но не можем прекратить его на заводах и в школах, ибо христиане – рабочие, ученые, учителя, студенты – все они ежедневно общаются с марксистами» [10].

Действия христиан и свободомыслящих являются выражением консолидации интересов, направленной на ориентацию поведения, на его правила. В самой общей форме содержание указанной консолидации интересов неверующих и верующих можно определить следующим образом: отдельный индивид полагает, что он может рассчитывать на совместно принятый посредством общественного объединения характер действий другого или других, и что в его интересах полностью ориентировать на это свои действия. Интересы свободомыслящих и верующих согласуются в тех сферах практического сотрудничества, где в ходе диалога отчетливо выявляется общность не односторонних, а общезначимых социальных и гуманистических ориентаций. Расширение и углубление сотрудничества христиан, верующих других конфессий и неверующих возможно, прежде всего, по следующим направлениям: культура, каритативная деятельность, политика, экология и т. д.

Однако основные резервы расширения и углубления диалога между верующими и свободомыслящими связаны с милосердием, значение которого на современном этапе развития общества резко возрастает.

На то, что милосердие является выражением констелляции интересов верующих и свободомыслящих, указывает профессор Пенсильванского Университета США Дагоберт де Леви в своей работе «Проблема альтруизма в учении немецкого философа Христиана Вольфа». Он считает, что «Благотворительство» является объединяющим началом для всех людей – «иностранцев и земляков, для всех последователей религии, для молодых и старых, мужчин и женщин, для друзей и врагов» [11].

Диалог между верующими различных конфессий и свободомыслящих возможен благодаря комплексу действий, включающих также виды каритативной деятельности, ориентированные на ожидания благополучия, счастья, утешения, радости. Установленный порядок является либо односторонним, историческим требованием, например, христиан по отношению к свободомыслящим быть взаимотерпимыми при выполнении каритативной деятельности, или, двусторонним объяснением между верующими и неверующими, субъективно предполагаемое содержание которого сводится к тому, что ожидаются действия определенного типа: помощь пострадавшим от стихийных бедствий, благотворительные акции или милость по отношению к беспомощным старикам, детям, инвалидам и т. д. Невыполнение согласованного порядка в процессе сотрудничества верующих и неверующих в благотворительной деятельности может привести к нарушению диалога.

Для эффективности функционирования каритативной деятельности верующих необходима выработ-

ка решения, являющегося одним из системных признаков объединения свободомыслящих и верующих различных конфессий. В ряду выделяемых переменных процесса принятия решения, социальная задача занимает весьма существенное место: во многом она может быть квалифицирована как источник и объект этого процесса. В таких задачах описываются исходные условия, например, наличие беспомощных детей-сирот, требующих срочной помощи; конечные продукты – изменение положения этих детей (приписаны к детскому дому, попали в семью, на попечении монастырского приюта, получена разовая помощь и т. д.); определенные действия: уборка помещения, в котором находятся малыши, уход за самими детьми: пеленание, стирка вещей, купание, приготовление обедов, обучение, игры и т. д. Все эти действия будут способствовать достижению цели.

Кроме того, весьма существенным условием успешного ведения диалога является позитивность отношений между участниками каритативной деятельности. Важную роль в достижении согласия благотворителей играет посредник: предполагается, что на предложения третьего лица легче согласиться и пойти на уступки, позволяя как верующим, так и неверующим «сохранить лицо».

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что эффективность диалога по проблемам милосердия требует профессиональной компетентности отдельных членов союза, например, педагогической или медицинской подготовки и т. д. Однако согласие между верующими и неверующими, достигнутое посредством каритативной деятельности, определяется не только логически рациональными связями, но и психологическими. В действительности же религиозность может в некоторых случаях привести к своего рода эйфории, субъективно ощущаемой как некая своеобразная безобъективная любовь и милосердие. Вместе с тем, духовные связи христиан, ориентированные на спасение, могут с социологической точки зрения служить звеньями каузального ряда, который начинается с «внешних» обстоятельств и в конечном итоге ведет к «внешнему» поведению [4], направленному на участие в судьбе свободомыслящих, помощь и благотворительство, что является основой согласия.

Из сказанного видно, что реальное поведение индивида вполне может быть субъективно осмысленно ориентированно на несколько систем установлений, которые в смысловом отношении противоречат друг другу, однако, тем не менее, параллельно сохраняют свою эмпирическую значимость. Так, например, согласно бытовавшим взглядам, благотворительная деятельность верующих различных конфессий по отношению к неверующим (марксистам) и наоборот была не всегда возможна. Между тем, в соответствии

с широко распространенными представлениями о смысловых ориентациях, считающихся ранее в обществе значимыми условностями, милосердие часто бывало неизбежным. Участвуя в каритативной деятельности, индивид ориентировал свое поведение на эти конвенциональные предписания; но скрывая свои действия, он ориентировался на требования государственного закона. Следовательно, практическое воздействие эмпирической значимости обеих систем установлений в этом случае различно. Между тем, обеим системам приписываются эмпирическая «значимость», по утверждению М. Вебера, состоящая в том, что поведение осознанно ориентированно на их смысл и испытывает его влияние. Это значит, что объединенные в общество верующие и неверующие в среднем с достаточной долей вероятности рассчитывали на «соответствующее» требованиям установленного порядка поведение других, и сами в среднем также подчиняли свое поведение таким же ожиданиям [5]. Общностно ориентированные действия верующих и неверующих, опирающиеся на каритативную деятельность, тем более возможны, чем больше можно в среднем рассчитывать на то, что ориентируют свои ожидания не только на нормативные экспектации, но и чем в большей степени распространено среди них субъективное воззрение, что для них «обязательна» «легальность» отношения к системе.

Наиболее рациональным объединением верующих и неверующих, исходя из выше сказанного, будет считаться договор по проблеме милосердия или общественные действия с установлениями о содержании и средствах общественных действий, принятых всеми участниками на основе общего согласия. В основе договора лежат определенные условия: какие и в каких формах осуществляемые действия (милость, благотворительная деятельность, милостыня) каких лиц, должны считаться действиями союза и какие последствия это будет иметь для объединенных на основе идей милосердия верующих и неверующих.

Следующим условием является наличие материальных благ, используемых в общих целях каритативной деятельности и благотворительства, затем, важным представляется то, какие органы союза верующих и свободомыслящих будут распоряжаться и каким образом; что участники должны делать во имя целей этого союза; какие действия «требуются» или «разрешаются» и какие преимущества они получают от своего участия в деятельности союза. И, наконец, какими будут органы союза, при каких условиях и с помощью каких средств им действовать для сохранения установленного порядка. Каждый индивид, участвующий в каритативной деятельности, полагается на то, что другие участники договора

будут действовать в соответствии с установленными соглашениями. Конечно, вероятность принуждения (например, христианское «братское» увещание или осуждение поступка неверующими, критика со стороны товарищей и т. д.) в случае нарушений договора значительно усиливают субъективную уверенность в том, что доверие не будет обмануто, а также и объективную вероятность того, что упомянутые ожидания обоснованы.

В настоящее время складывается совершенно новый тип взаимоотношений, где верующие различных конфессий и свободомыслящие выступают как равноправные субъекты. А это значит, что верующие и неверующие представляют единую человеческую общность, при этом необходимо иметь способность преодолевать идеологический барьер и с этой целью помогать человеку в выживании.

Каритативные объединения христиан, верующих других конфессий и свободомыслящих различаются в зависимости от возможностей сторон, от степени участия той или иной стороны в благотворительной деятельности и т. д.

Следует отметить, что при полном развитии союз верующих и неверующих на основе милосердия явил бы собой не эфемерное, а длительно существующее социальное образование. Это означает: несмотря на смену лиц, участвующих в общественных действиях верующих различных конфессий и неверующих, союз или объединение рассматривается как остающееся идентичным.

Вместе с тем, отношения свободомыслящих и верующих в области каритативных отношений до сих пор неоднородны. Чаще всего верующие и неверующие образуют фонды и общества, в основе которых лежит сбор денежных пожертвований и ценностей. Среди таких фондов выделяются Благо-творительный Фонд «Мост», «Покровский», Благотворительный Фонд защиты детей «Поколение – будущее», Еврейский Благотворительный Фонд «Джоинд», Еврейский Благотворительный Фонд «Хэсэд шалом» и т. д. К сожалению, при обращении за финансовой помощью в еврейские благотворительные фонды («Хэсэд шалом», «Джоинд» и т. д.) всегда слышишь предупреждение: «Благотворительная помощь оказывается только евреям». Это высказывание ставит под сомнение идею милосердия – оказание помощи любому человеку независимо от его социального, национального, религиозного положения. И в то же время заслуживает внимания деятельность Благотворительного Фонда «Покровский» (г. Ростов-на-Дону), который оказывает материальную (финансовую) поддержку многодетным семьям, детям-сиротам. Начиная свою деятельность этот фонд оказанием помощи при строительстве храма святой великомученицы Параскевы Пятницы в г. Ростове-на-Дону,

а затем при поддержке фонда был построен детский приют при приходской церкви в Маныче. В настоящее время Благотворительный Фонд «Покровский» осуществляет финансовую помощь в строительстве православной деревни для многодетных семей, причем это семьи, в которых будут жить приемные дети из детских домов. Православная деревня строится в селе Петровка, Мясниковского района, Ростовской области. Фонд существует за счет пожертвований верующих и неверующих. Опыт такой деятельности полезен для благотворительных фондов и организаций, существующих в России в том виде, который нам известен, являющихся не всегда эффективными в своей помощи, а иногда представляющихся бесперспективными. Это часто определяется тем, что благотворительные организации, фонды являются государственными институтами, к которым не всегда есть доверие со стороны общества. Созданные фонды и организации, ничего не производя, чаще всего поглощают большое количество средств на свое существование, не отчитываясь перед настоящими благотворителями в своих расходах. Опыт Армении показал, что любое включение в оказание помощи государственных организаций приводит к социальным конфликтам из-за дележа материальных благ, к обогащению имущих и к оскорблению остальных в стране.

В то же время заслуживает внимания каритативная деятельность внегосударственных фондов милосердия, орденов, обществ, объединяющих как христиан, так и свободомыслящих, верующих различных конфессий. Среди таких добровольческих благотворительных объединений можно назвать Общество Милосердия в Санкт-Петербурге, Московское общество «Милосердие» и другие.

Санкт-Петербургское Общество Милосердия существует за счет богатых спонсоров. Члены этого общества бескорыстно работают в больницах, домах престарелых, психоневрологических интернатах, детских домах, школах-интернатах. Помощь осуществлялась и одиноким, беспомощным людям на дому. Общество было создано в кризисные 1990-е гг., первым ее председателем был Даниил Гранин. Общество создало первую в стране бесплатную столовую, открыло дом милосердия по типу ночлежного дома. В основе таких добровольческих объединений лежат принципы добра и милосердия, справедливости и взаимопомощи.

Однако такой вид каритативной деятельности, как совместный труд в целях помощи нуждающимся, редкое явление среди благотворительных объединений верующих различных конфессий и свободомыслящих. Пока нам известны добровольные субботники и воскресники по охране памятников, восстановлению церквей и храмов, бывающие ре-

гулярно и пользующиеся большой популярностью. Проводят мероприятия по охране памятников, субботники, разовые благотворительные акции в домах престарелых, детских приютах такие политические партии: ЛДПР, «Единая Россия», КПРФ. Трагические события в Южной Осетии этим летом показали, как всем миром, верующие и неверующие, взялись помогать пострадавшим во время войны с Грузией.

Нам сложно оценивать степень развития сотрудничества верующих и неверующих различных конфессий и свободомыслящих в каритативной деятельности, так как ограничены сведения о формах, структуре внешних и внутренних контактов таких связей. Тем не менее, те факты, которыми мы располагаем, показывают, что в последнее время интенсивно увеличиваются размеры совместной благотворительной деятельности (примером является помощь пострадавшим в Южной Осетии). Это определяется сближением верующих и неверующих в рамках общегуманитарных проблем, влиянием гуманитарного воспитания, уровнем самосознания личности (способной преодолеть национальный, расовый, социальный эгоизм), а также изменившимся социально-политическим положением церкви в обществе и отношением церкви к обществу.

Служители Русской Православной Церкви предлагают свой опыт каритативной деятельности. В январе 1991 г. определением Священного Синода Русской Православной Церкви был образован Отдел по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата (ОЦБСС МП), возглавляемый архиепископом Солнечногорским Сергием, управляющим делами Московской Патриархии. Отдел, образованный в 1990-е гг., опирался на опыт каритативной деятельности зарубежных христиан, которые сыграли огромную роль в возрождении диаколического служения, подготовке социальных работников, разработке и реализации благотворительных проектов. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, выступая с речью перед участниками научно-практической конференции «Сотрудничество Русской Православной Церкви с государственной системой здравоохранения России», проходившей в мае 2001 г., особо выделил следующие зарубежные христианские организации, оказавшие гуманитарную помощь россиянам: Епископальная Церковь США, Экуменический центр имени Бернардо Клезио (Трентийская епархия Римско-Католической Церкви), Всемирная Лютеранская Федерация, Международная православная благотворительная организация (ЮСС), католическое Общество святого апостола Петра, Евангельско-Лютеранская Церковь Германии, Церкви Дании, Коптская Церковь, Всемирный Совет Церквей, Епископальная Церковь США, католическая благотворительная организация «Renovabis», ВСЦ, ХМК

и другие межцерковные организации. Следует отметить, что взаимодействие с различными конфессиями осуществляется и на местном уровне. Гуманитарную помощь оказывали приходы Евангелическо-Лютеранской Церкви, Армянской Апостольской Церкви, Русской Православной старообрядческой Церкви, Евангельских христиан-баптистов. В Санкт-Петербурге с 1991 г. функционирует Христианский межцерковный диаколический совет, в котором представлены Русская Православная Церковь, Римско-Католическая Церковь, Евангелическо-Лютеранская Церковь Ингрии, Церковь евангельских христиан в Духе апостолов. Основной задачей совета стало развитие диаколических, образовательных и научно-исследовательских инициатив. Поддержку в организации работы совета оказали: Датская церковная помощь, Всемирный Совет Церквей, Финская церковная помощь, Диаколическая служба Евангелическо-Лютеранской Церкви Германии, Шведская церковная помощь. При отделе по церковной благотворительности осуществляет свою деятельность Межцерковный офис по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам. Работа данного Офиса проводится в рамках Межцерковного Соглашения, подписанного руководителями Союза евангельских христиан-баптистов, Русской Православной Церкви и Евангелическо-Лютеранской Церкви России [1].

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в речи к участникам научно-практической конференции «Сотрудничество Русской Православной Церкви с государственной системой здравоохранения России» сказал, что «вероучение той или иной конфессии влияет на осуществляемые ею социальные программы... Иными словами, благотворительная деятельность в ряде случаев оказывается подспорьем миссионерства и прозелитизма. В результате разрушаются добрые межконфессиональные отношения, появляются трудности в ведении богословских диалогов, теряется надежда на взаимное сотрудничество» [1]. Все эти факты приводят к тому, что отношение Русской Православной Церкви к инославью в вопросах милосердия неоднозначно и колеблется от самоизоляции до стремления к открытости.

Как это бывает в кризисных ситуациях, мы обращаемся на Запад в поисках образцов каритативной деятельности и заимствуем не то, что нам нужно, а то, что кажется простым и привлекательным. В случае с благотворительностью мы пытаемся взять формы, способы сбора средств и распределения, но не направленность деятельности. Благотворительные организации других стран оказывают помощь вполне определенного плана, в частности, помощь отдельным людям, оказавшимся в кризисных ситуациях. Эти стереотипы в нашей стране не всегда возможны.

Для оказания помощи в традиционном для Запада смысле необходимо создание организации, которая сама по себе поглотит огромное количество денег. На Западе основное содержание благотворительности заключается не в государственном и общественном иждивении и призрении, а в стимулировании производящей деятельности.

По нашему мнению, необходимо использовать прогрессивный опыт благотворительной деятельности в зарубежных странах, опыт каритативной деятельности различных религиозных объединений для организации новых добровольческих обществ милосердия различных концессий и общественных организаций. Верующие и неверующие совместно должны решать проблемы благотворительности, преодолевать стереотипы государственного и общественного иждивения и призрения, используя стимулирование производящей деятельности, поддержку потребности в личностной автономии, независимости, свободе.

Мы считаем, что реальная благотворительность должна заключаться в создании условий для производительного труда, в материальном и моральном стимулировании тех, кто хочет не просить, а делать дело. Оптимальный путь развития благотворительности в нашей стране – это стимулирование новых негосударственных институтов, в которых все могли бы найти применение своим способностям и возможностям. Необходима помощь в создании общественных организаций, где люди смогли бы овладеть иными ролями, кроме просителя, могли бы оформиться как способные к предложению благотворительной помощи, а не только к ее получению.

Необходимы знание о реальности, в том числе и о том, какие люди и в каких обстоятельствах нуждаются в помощи, какой эта помощь может быть. Оптимальным будет вариант, когда свободомыслящие и верующие совместно будут создавать концепции благотворительности, систему религиозных и религиозных и добровольческих орденов, организаций по обслуживанию в больницах и т. п.

Итак, перспективы сотрудничества верующих и неверующих в благотворительной деятельности – создание новых каритативных институтов (общества

«Милосердия», благотворительные фонды, религиозные и добровольческие ордены и т.п.), способных реально помочь нуждающимся в нашей стране на основе уважения личности и справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси* Участникам научно-практической конференции «Сотрудничество Православной Церкви с государственной системой здравоохранения России» // Журнал Московской Патриархии. – 2001. – № 4.
2. *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси* Церковь занимает активную позицию // сб. Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев. – СПб.: Царское Дело, 1996.
3. *Батылин А.* Святое чувство сострадание // Информационный бюллетень. – 1989. – № 1.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
5. *Вилюнас В. К.* Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
6. Гуманистический манифест III, преемник Гуманистического манифеста 1933 г. // Здравый смысл. Зима. – М., 2006 / 2007. – № 1 (42).
7. *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский* Возрождение православия и обновление России. Доклад на I Всемирном Русском Соборе в 1993 г. / сб. Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских Архиереев. – СПб.: Царское Дело, 1996.
8. *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский* Через Духовное обновление русского народа – к его национальному возрождению! Доклад на II Всемирном Русском Соборе в 1995 г. / сб. Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев. – СПб.: Царское Дело, 1996.
9. *Мальгин А.* Сотвори добро ближнему // Неделя. – М., 1989. – № 2.
10. *Шаров В. Г.* Межнациональные отношения: диалог марксизма и религии. – Л.: Знание, 1990.
11. *De Levie Dagobert Christian Wolff und der Begriff der Menschenliebe.* – Kolner Universitat, 1972.